



Ю.М. РЕЗНИК, В.Н. ШЕВЧЕНКО

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Часть 1 (24 сентября 2019 г.)



***Аннотация:** В статье двух авторов, излагаемой в форме беседы, обсуждается проблематика цивилизационного проекта для России, который в последнее время находится в центре внимания философской, и более того, всей научно-теоретической мысли российского общества. Становление полицентричного мира, подчеркивается в статье, делает все более императивной необходимость масштабных социальных, экономических, политических перемен в обществе, с которыми государственная власть, по мнению авторов, явно запаздывает. Ключевые вопросы, ставшие предметом*

острой дискуссии между авторами статьи, выступают вопросы идентификации российской цивилизации, определение субъекта проекта, тех концептуальных знаний, на которые он должен опираться в своих практических действиях по реализации проекта.

Особое место в рассуждениях авторов занимают вопросы участия социальных философов в создании цивилизационного проекта, причины отстраненности ученых и философов от обсуждения принимаемых государственными органами власти властных решений. В статье подчеркивается важность создания благоприятных условий для развития социально-гуманитарного знания, преодоления бескрайнего идейного и философского плюрализма, который не только не способствует консолидации российского общества, но и успешно блокирует все предпринимающиеся для этого попытки. В заключение авторы призвали принять участие в дискуссии всех, кто заинтересован в том, чтобы познать историю России, ее смысл, ее будущее, независимо от партийных или каких-то иных пристрастий.

***Abstract:** The article of two authors, presented in the form of a conversation, discusses the problems of the civilizational project for Russia, which has recently been in the focus of philosophical, and moreover, the entire scientific theoretical thought of Russian society. The article empha-*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;
Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: vladshevchenko@mail.ru.

sizes that the emergence of a polycentric world makes it increasingly imperative to make large-scale social, economic, and political changes in society, with which the state authorities, according to the authors, are clearly lagging behind. The key issues that have become the subject of a sharp discussion between the authors of the article are the identification of the Russian civilization, the definition of the project subject, and the conceptual knowledge that it should rely on in its practical actions for the implementation of the project.

A special place in the arguments of the authors is occupied by the participation of social philosophers in the creation of a civilizational project, the reasons for the detachment of scientists and philosophers from the discussion of power decisions made by state authorities. The article emphasizes the importance of creating favorable conditions for the development of social and humanitarian knowledge, overcoming boundless ideological and philosophical pluralism, which not only does not contribute to the consolidation of Russian society, but also successfully blocks all attempts to do so. In conclusion, the authors called on all those who are interested in understanding the history of Russia, its meaning, and its future to take part in the discussion, regardless of their party or other preferences.

Ключевые слова: проект, цивилизация, государство-цивилизация, цивилизационный подход, империя, социальная философия, философия истории, утопия, концепт, концептуальное знание, либерализм, социализм, консерватизм.

Keywords: project, civilization, state-civilization, civilizational approach, Empire, social philosophy, philosophy of history, utopia, concept, conceptual knowledge, liberalism, socialism, conservatism.

О Российском цивилизационном проекте

Резник Юрий Михайлович: Владимир Николаевич! Наша встреча состоялась спустя чуть больше месяца после Вашего юбилея. 4 августа Вам исполнилось 80 лет — весьма знаменательная дата. По официальным меркам Вы вступили в когорту долгожителей. Но не только с круглой датой я хочу Вас поздравить. Вы удивительным образом сохранили молодость духа и желание дерзать на научном поприще. Совсем недавно, продолжая вести большую научную работу, Вы стали еще и главным редактором электронного научного журнала «Вопросы цивилизационного развития». В перспективе имеются и другие научные проекты. Но давайте перейдем к самим вопросам.

Владимир Николаевич! Вы совершенно справедливо утверждаете, что не цивилизация выбирает, а её выбирают. И такой выбор сегодня стоит перед народами России, которая исчерпала возможности прежнего цивилизационного проекта и не желает больше быть разменной картой у игроков глобального западного проекта. И здесь же Вы отмечаете, что «главным субъектом выбора выступает государство — первое лицо, властная элита в целом». Откуда у Вас такая уверенность? Почему не народ или нация, или, на худой случай, гражданское общество (как общество-нация)?

Здесь намечается первая линия разделения между нашими позициями. За Вашей позицией проглядывает этатизм. В моей же позиции присутствует установка на цивилизм, но цивилизм, рассматриваемый не в духе академика В.С. Нерсисянца. Я понимаю цивилизм более широко, как общественный строй, основанный на господстве гражданского общества и примате гражданских прав и свобод человека, в т.ч. права на равную долю собственности. Поэтому вы мыслите Россию и другие крупные страны как государство-цивилизацию. В этом альянсе государству принадлежит главенствующая роль, роль политического субъекта, а цивилизации отводится место культурного пространства.

Могу предположить, что в споре между либералами-западниками и консерваторами-почвенниками Вы занимаете центристскую позицию. И тут Вас можно условно отнести к третьей группе — сторонникам социального консерватизма, поскольку Вам близки социалистические идеи, но при этом Вы остерегаетесь радикальных социальных преобразований.

Далее. Вы уповаете на прозрение действующей власти, которая ведет себя осторожно и пока не торопится «с открытой манифестацией Российского цивилизационного проекта». На эту же власть Вы возлагаете надежды на «собрание земель русских» и построение целостного российского проекта. Мне же представляется, что не власть делает цивилизационный выбор, а общество. Саму же власть к этому ещё надо стимулировать. Уже два десятилетия общество, в т.ч. и мы с Вами, осознает необходимость социальных перемен. А воз и ныне там. Да, общество подталкивает власть к определенным действиям, но пока не может переломить её социально-экономический курс, который всё больше и больше раскалывает его, усиливая социальные дистанции между высшими и низшими слоями.

И еще одно интересное обстоятельство я хотел бы отметить. Вы ставите вопрос о том, «сможет ли российская цивилизация доказать свое право на успешное существование в принципиально новых и очень сложных исторических условиях наступающего полицентричного устройства мирового сообщества. Этим доказательством может быть только создание успешного цивилизационного Проекта с расчетом на длительную перспективу. Каким будет этот Проект, таковы будут и конкретные ответы на цивилизационные вызовы и угрозы современности».

Если российская цивилизация должна что-то доказывать, чтобы сохранить своё право на существование, т.е. вести себя подобно социально-историческому организму, то как тогда быть с главенствующей ролью государства и властвующей элиты? Ведь утверждать своё право на существование может только сам субъект в лице общества или государства, а не кто-то посторонний или чуждый ему. Но Вам известно не хуже меня, что значительная часть нашей элиты является компрадорской и служит интересам глобального капитала. Разве не так? Тот же М.Г. Делягин называет наш капитализм компрадорским. Компрадорскую политику ведут и многие представители государственной власти. Стоит ли уповать на просвещенного монарха (первое лицо государства), который, наконец, осознает национальные интересы своей страны и предложит нам собственный цивилизационный проект?

Шевченко Владимир Николаевич: Почему так стал актуальным именно цивилизационный Проект. Ведь о проектах говорят, начиная с античности. Проект (лат. — projectus) — брошенный вперед, выступающий вперед. Проектно-конструкторский подход получает распространение в Новое время, его используют как эффективное средство для реализации желательных исторических процессов и их результатов, но никак не цивилизации. Вплоть до последнего времени развитие отдельных цивилизаций рассматривалось как естественно-исторический процесс.

В принципиальном плане в Проекте должен ставиться вопрос об управлении развитием конкретной цивилизации с целью достижения заранее заданных проектных характеристик. Можно здесь добавить следующий вопрос: а разве не обсуждает весь мир задачи глобального управления мировым сообществом? Либеральный проект глобализации предельно упрощает эту задачу, отказывая отдельным цивилизациям в праве на самостоятельное существование в современной и будущей истории.

Теперь, когда эпоха однополярного мира закончилась или заканчивается, то в полицентричном мире всё возрастающую роль начинают играть локальные цивилизации. И проблематика глобального управления предстает сегодня в совершенно другом виде. Каждое из больших государств-цивилизаций сегодня возвращается на путь своего цивилизационного, национального развития. Перед каждым из них встает задача управления развитием своей конкретной цивилизации, которую еще предстоит понять. А что касается мирового сообщества, то задача оказывается, как минимум, ещё на порядок сложнее.

В постановке вопроса о цивилизационных вызовах России, которая широко распространена в нашей литературе, во многих случаях остается в стороне другой актуальный вопрос сегодняшнего дня, а именно, вопрос о том, сделан ли цивилизационный выбор самой Россией. Но что значит сделать цивилизационный выбор? Цивилизация выбирает или её выбирают. Выбирать она не может, субъекта нет. Значит, её выбирают.

Что у нас нет цивилизации? Цивилизация у нас есть, как её называть и каковы ее перспективы — это предмет бесконечных дискуссий. Нас, прежде всего, интересует сегодняшний конкретно-исторический облик российской цивилизации, иначе говоря, как мы понимаем её глубинную логику развития? Кто мы сегодня? Складывается впечатление, что за дискуссиями вокруг названия цивилизации скрывается дискуссия-борьба вокруг выбора, опознания присущих ей современных смыслов. За каждым наименованием (евразийская цивилизация, православная, русская, либерально-западная и пр.) скрываются свои смыслы. Другими словами, цивилизации нужно помочь осмыслить, осознать своё историческое предназначение на современном, постсоветском этапе своего развития.

Речь идет о цивилизационном выборе как проекте, который оформляет и утверждает её современный облик, историческое предназначение. Главным субъектом выбора выступает государство — его первое лицо, властная элита в целом. Собственно по этой причине появилось новое для социальной теории понятие государства-цивилизации, хотя тесная связь сложившейся цивилизации и государственной власти есть давно установленный факт. Если выразить кратко актуальность его появления, то оно связано с тем, что государство берет на себя особую заботу о сохранении и развитии культуры как духовной опоры цивилизации, политическим оформлением которой государство вообще-то всегда являлось.

В таком случае получается так, что цивилизационный проект является как бы частью большого мегапроекта. Одна его часть обращена к формулировке задач государства, другая — собственно к пониманию той цивилизации, политической формой объединения которой и выступает данное государство. Россия — это государство-цивилизация со многими нерешенными проблемами, о которых собственно и пойдём наш с Вами разговор в настоящей статье.

Здесь требуется одно важное пояснение. Когда говорится о причинах появления сравнительно нового понятия — «государство-цивилизация», то его не следует понимать упрощенно лишь как заботу государства о сохранении культуры и цивилизации. До недавнего времени два процесса реально существовали в историческом времени. Это, с одной стороны, сам процесс развития (в основном общества, нежели цивилизации), который до известной степени задавался политической властью, правящей элитой в целом, а, с другой стороны, попытки думающей части общества вы-

разить глубинную, подлинную сущность естественно исторически сложившейся цивилизации.

Оба эти процесса в значительной мере проходили параллельно. Две геополитические катастрофы XX в., которые пережила Россия, являются самым выразительным свидетельством того, как мало эти два процесса пересекались. Сегодня вновь со всей остротой встал вопрос о том, что и интеллектуальное сообщество, и политическая власть плохо понимают то, куда идёт и куда должна идти в своём развитии российская цивилизация независимо от того, как мы ее назовем.

Но теперь пришло время соединения или, как сегодня стали говорить, сопряжения этих процессов. Понимание всей глубины и масштабности культурно-исторического своеобразия российской цивилизации должно найти своё отражение в политических программах и действиях государственной власти. А это, в свою очередь, ведет к тому, что политическое знание особого рода, так называемое концептуальное знание, становится главной, стержневой составляющей претворяемого в жизнь цивилизационного проекта.

Радикально-либеральные авторы уверены в том, Россия есть особая, но неотъемлемая часть западной цивилизации, скорее европейско-континентальной, нежели англосаксонской её части, при этом постоянно отставая от неё в своем развитии. И теперь наступило время её возвращения в лоно универсальной, общечеловеческой цивилизации. Эти авторы с тревогой отмечают, что нынешняя власть постепенно делает явные шаги в пользу определенного выбора, защищая традиционные ценности и подвергая открытой критике либеральные западные ценности, сам либеральный образ жизни. Но при этом они говорят о тех скрытых неартикулированных стратегических целях, которые на самом деле преследует власть. Такие цели у власти есть, убеждены они, и потому власть должна сказать о них честно и открыто, а не манипулировать сознанием людей.

Существует и другая парадигма — консервативно-почвенническая — решения этого вопроса. Выбор давно сделан в том смысле, что на протяжении многих столетий на территории России существует русская в своей основе цивилизация. В течение многих столетий она является локальной самостоятельной цивилизацией наряду с другими цивилизациями. Но если это так, то почему существует столь сильная оппозиция этой точке зрения. Ведь нельзя же объяснять наличие радикально-либеральной оппозиции только поддержкой со стороны внешних сил. Если происходят такие катастрофы в жизни цивилизации как дважды полный распад государства в одном только XX в., то это означает, что само ее существование поставлено историей под вопрос.

Ведь сколько цивилизаций в результате постигших их катастроф ушло с исторической сцены, и никакие их прошлые заслуги история в расчет не принимала и не принимает. Другими словами, российская цивилизация должна подтвердить свое право на дальнейшее существование. И каждый раз это открытый вопрос. Здесь нет никакой предопределенности. Доказательство своих прав, как показывает российский опыт, дело не одного дня, а многих десятилетий и даже столетий.

Нам кажется, можно выдвинуть другое объяснение скрытности власти, о которой говорят радикальные либералы. Да, власть действует медленно и осмотрительно, возможно она слишком запаздывает с открытой манифестацией Российского проекта и тем самым многим рискует, но она осмысливает, аккумулирует, собирает, прежде

всего, то, что получает подтверждение в конкретных практиках российского общества последних двух-трех десятилетий. Подобную мысль высказал некогда Ден Сяопин, когда он изрек свой афоризм: «переходить медленно через реку, нащупывая подводные камни».

Однако конкретика сегодняшних национальных проектов только обнажает отсутствие целостного российского проекта развития страны. Поэтому та оптика, как сегодня стали говорить, рассмотрения вопроса о цивилизационном выборе, безусловно должна иметь в виду, сможет ли российская цивилизация доказать свое право на успешное существование в принципиально новых и очень сложных исторических условиях наступающего полицентричного устройства мирового сообщества. Этим доказательством может быть только создание полномасштабного цивилизационного Проекта с расчетом на длительную перспективу. Каким будет Проект, таковы будут и конкретные ответы на вызовы и угрозы современности.

Российской цивилизации тысяча лет, она имела много конкретно-исторических обликов. Сегодня прежний советский облик уходит в прошлое. С внешним обликом — символическим — смена проходит легче, чем с переосмыслением внутреннего облика. Но за каждой новой попыткой стоит и то, и другое. Цивилизационный проект должен изменить два облика цивилизации: и внешний, и внутренний.

Юрий Михайлович, Вы сомневаетесь относительно ведущей роли государства и властвующей элиты в создании цивилизационного проекта. поскольку значительная часть нашей правящей элиты является компрадорской и служит интересам глобального капитала. Да, признаю, ваши сомнения имеют под собой серьезные основания. Кризисы российского государства обычно и были связаны с тем, что между действиями власти и элиты, выбором ими цивилизационного проекта и глубинными смыслами нашей цивилизации, как её не называй, возникали острейшие противоречия, которые приводили к трагедии распада государства и всех властных структур.

Но сегодня наступил момент истины. Ошибиться в выборе цивилизационного проекта просто нельзя. И в этой ситуации значительная часть элиты тесно связана с иностранным капиталом и часто действует в ущерб нашим национальным интересам. А ведь внешнеполитический аспект для нас сегодня самый важный. Так сложилось в истории, что на европейском континенте не должно быть мощного экономического и военного Центра силы, противостоящего англосаксам, которые всегда жестко пресекали и пресекают всякие попытки создать альтернативный центр капиталистического развития. К примеру, Германия, которая попыталась это сделать, начиная со второй половины XIX в., потерпела унижительное поражение в первой мировой войне. Главным бенефициаром была тогда Англия.

Перед нами стоит сложнейшая дилемма — выбор одного из двух взаимоисключающих вариантов. Высокоразвитый капитализм в стране в современных условиях практически невозможен, поскольку в мировую финансово-экономическую элиту её никогда не пустят. На самом деле выбор у нас таков: либо периферийный капитализм без особых надежд на будущее, либо социализм с российской спецификой, не лишенный черт «осажденной крепости образца XXI века».

Такая ситуация сложилась в ходе исторического развития, а не просто чьих-то ошибочных действий. До сих пор мы не смогли решить для себя вопрос, какой из этих вариантов в большей степени отвечает глубинной сущности российской цивилизации. Конечно, идеальный вариант, если этот выбор осуществляется властью и

элитой при условии согласия на него российского общества. Но в обществе до сих пор нет общенационального согласия по коренным вопросам устройства общественной жизни.

О роли социальной философии в обосновании цивилизационного проекта

Ю.М.: *Теперь о социальной философии. Здесь я согласен с большинством Ваших суждений, высказанных в тезисах. Однако право на независимую позицию нам, философам, ещё надо завоевать. Пока же мы — часть планово-бюджетного механизма государства, а, значит, являемся зависимыми элементами этого целого. Условно говоря, мы встроены в телегу, которая управляется бюрократией. Это в статьях мы можем писать о гражданской или публичной философии, дистанцированной от государственной идеологии. А здесь в лучшем случае нам уготована роль попутчиков бюрократии, а в худшем — тягловой силы. Ведь кто-то же должен тянуть телегу под названием «Наука». Трудно представить себе независимость лошади (т.е. рядового исследователя и исполнителя государственного задания) от извозчика (бюрократа), хотя, наверное, это возможно. Например, можно вообразить, что в какой-то момент лошадь может понести и тогда извозчик становится совершенно беспомощным существом. Но я пока слабо верю в такой ход событий.*

По поводу Ваших рассуждений о предмете социальной философии у меня также нет вопросов [12]. Согласен с тем, что в отличие от социальной науки такая философия изучает социальное сквозь призму должного (или представлений о нём). Правда, я пока не вижу на философской ниве фундаментальных трудов о сохранении и развитии российской цивилизации. На это указываете и Вы, Владимир Николаевич, отмечая отсутствие работ по онтологии российского общества. А то, что есть в научной литературе, принадлежит чаще всего не нам, а экономистам, политологам или культурологам. Нам, философам, пока практически нечего предложить на рынке идей, хотя я согласен с Вами, что только философы способны создать целостный проект цивилизационного развития России. Но можно ли это сделать, чувствуя себя загнанной лошастью, вынужденной лавировать между высокими научными идеалами и густой сетью формальных показателей?

Главная проблема, которая связана с низкой социальной востребованностью философов, состоит в незрелости российского гражданского общества. По Вашему мнению, Владимир Николаевич, вопрос заключается в их скудном багаже. Но есть и другая причина. Извозчикам в лице чиновников от науки нужна тягловая сила, а не независимые ученые и философы. Увы, наше общество не может себе позволить содержать свободных мыслителей ради их будущих великих открытий. А наше государство еще этого и не хочет, стремясь любыми путями уменьшить бюджетные расходы и свернуть академическую самодельность ученых.

Парадоксально как раз то, что чтобы улавливать цивилизационные вызовы для России, нужны как раз такие свободные мыслители и независимые эксперты. Но в нынешней ситуации мне трудно представить отечественных философов в их роли. И не потому, что я не верю в их таланты и способности, а, скорее, потому, что мы фактически лишены академических свобод и университетской автономии.

Владимир Николаевич! А что Вы думаете по этому поводу?

В.Н.: Чем может помочь в решении этих вопросов отечественная социальная философия другие науки социально-гуманитарного профиля? Прежде всего, необходимо постоянно говорить о нашем общем стремлении к обретению социальной

философией, как и философией в целом, права на свое самостоятельное и независимое существование при всех тех контактах, взаимодействиях и заимствованиях, которые сегодня имеют место.

Я не очень поддерживаю вашу мысль о том, что «наше общество не может позволить себе содержать свободных мыслителей ради их будущих великих открытий». А представляете, если бы оно позволило. Тогда запишите меня на государственную дотацию. Обещаю великое открытие через три года, а пока примите меня на полное обеспечение. Конечно, это шутка. Если говорить серьезно, так вот китайские руководители регулярно встречаются с учеными, которые считаются самыми признанными авторитетами в научном сообществе страны. И об этих встречах, которые носят рабочий характер, и о тематике обсуждаемых вопросов сообщается в СМИ.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Речь должна идти не о социальной философии как таковой. Речь должна идти о философской системе. Отечественная социальная философия после окончания эпохи истмата потеряла свой системный характер. Мы долгое время гордились и продолжаем гордиться тем, что у нас философский плюрализм, можно сказать безбрежный. Но не ведет ли безбрежный плюрализм философских взглядов к ослаблению и даже к дискредитации общественной роли философии как некоего интегрирующего начала общественного сознания? Без построения социальной философии как сложной многоуровневой системы нельзя найти теоретического ответа на вопрос, какое общество мы построили, хотя в публицистике можно найти какие угодно ответы на этот вопрос. И это не сложно делать, если заменять теоретические доказательства и философские рассуждения пропагандистскими материалами.

Я сторонник и последователь марксизма, прежде всего, марксистской методологии в сфере изучения истории общества, и в частности, сторонник социализма с российской спецификой. Как известно, в начале 1980-х гг. творческим коллективом сотрудников института во главе Ю.К. Плетниковым была предпринята грандиозная попытка построения марксистско-ленинской теории исторического процесса как целостной философской системы.

А каково современное состояние социальной философии? Я вынужден констатировать наличие нескольких уровней социально-философского знания, плохо связанных между собой.

В последние десятилетия активно обсуждается идея двух типов социальной философии — валюативной философии и рефлексивной философии. Эту идею выдвинул и последовательно отстаивает К.Х. Момджян. Но, по моему глубокому убеждению, эти два типа социальной философии представляют собой два уровня одной философской системы, которая, впрочем, включает в себя и третий уровень. Методологической основой, которая органически соединяет все эти три уровня, является диалектика как учение о развитии, которая в современной форме обогащается достижениями системного и синергетического подходов.

Первый уровень — это уровень предельных оснований, онтология социального. Второй уровень — эта общесоциологическая теория развития общества и следующее отсюда рассмотрение исторических типов социальности. Третий — философия истории. Здесь ставятся проблемы смысла истории, деятельности человека, преследующего свои цели, проблемы исторического творчества и объективной необходимости. Анализ неравномерности общественно-исторического развития выявляет методоло-

гические основания цивилизационного подхода. Я хотел бы остановиться более подробно на первом уровне социально-философского знания.

Социальная философия принципиально отличается от конкретных социальных наук тем, что она говорит о предельных онтологических основаниях общественной жизни, об универсальных ее константах. И ещё она говорит о должном, о совершенном и желаемом устройстве общества. К сожалению, статус долженствования ныне практически не обсуждается в дискуссиях о предмете социальной философии. Философия создает свое идеальное царство мысли и потому содержит утопическое начало. Утопизм в смысле установления границ вполне реальных духовных устремлений определенной, скорее культурной, эпохи, нежели исторической. И потому философская утопия радикально отличается от художественной утопии и антиутопии. Подчеркну ещё раз. Философия создает духовный универсум определенной культурной эпохи. В этом ее назначение.

Философская система рождается в тех условиях, когда имеющийся духовный универсум исчерпал себя и не дает ответов на новые вызовы культуры и истории. Как пишет А.А. Гусейнов, философия «создает (конструирует) идеальный образ мира, скроенного по меркам человеческого разума. Тем самым она задает параметры разумного, осознанного человеческого существования, являющегося одновременно ответственным существованием, т.е. существованием, за которое человек отдает себе отчет и готов держать ответ. Ясно, что такой образ мира может быть утопическим. В этом смысле всякая философия есть утопия» [2, 12].

Социально-философский проект содержит в себе две задачи. Идеальное устройство общества для достойной жизни есть, следовательно, целый набор, с одной стороны, социальных, а с другой, моральных, духовно-нравственных требований к обществу и человеку.

В Новое время возникли либеральная, консервативная, марксистская философские системы. К концу XX в. они исчерпали свой классический идеально-духовный потенциал. Сегодня идет реабилитация философской утопии. В одной из последних публикаций по утопиям Р.И. Соколова, говоря о возрождении утопии, отмечает, что именно «утопия помогает понять, в какой политической ситуации оказалось общество и какой выход из нее можно найти — вот ключ и отгадка современных попыток реабилитации утопии [14, 21]. Некоторые авторы называют утопию философским проектом. Но это не совсем точно. От философской утопии до философского проекта (в смысле цивилизационного проекта) нужно ещё пройти большой теоретический путь.

Но главное в другом. Философская система создается в границах определенной цивилизации и выражает не просто духовные устремления определенной эпохи, а духовные устремления своей конкретной цивилизации в эту определенную эпоху. Вполне возможно, когда одна цивилизация идет к своему кризису, то у другой — впереди эпоха расцвета.

Ещё раз о цивилизационном проекте и концептуальном знании

Ю.М.: Со многими Вашими положениями о социальной философии я согласен. Не буду проблематизировать также Ваше определение цивилизационного проекта. Меня больше интересует субъект проектирования. Для Вас таким субъектом выступает в первую очередь (хотя и не только) государственная власть. А я, в свою очередь, сомневаюсь в её способности не только удерживать целое (единство цивилизации), но и выра-

жать его интересы. Нынешняя власть скорее разделяет общество, чем объединяет. И разделяет она его вполне осознанно, чтобы не допустить возникновения очагов гражданского сопротивления. Об этом свидетельствуют и разрозненные действия так называемой несистемной оппозиции.

Вы, Владимир Николаевич, говорите о необходимости такой концептуализации политической реальности, при которой субъект помещает себя в центр такой реальности «и изучает эту реальность именно под углом её практического изменения в желательном для него направлении». Но здесь мы становимся с Вами на весьма опасный и непредсказуемый путь. Философы-концептуалисты, чтобы быть успешными, должны превращаться по Вашей логике в политиков-проектировщиков, а что еще хуже – в политических технологов. К этому их неизбежно ведёт предлагаемая Вами «смычка» концептов, проектов и технологий, характеризующих в целом «направленные формирование социально-исторических процессов».

Хотя с большинством Ваших тезисов я согласен, могу предположить, что некоторые из них я несколько тенденциозно интерпретирую, искажая ход Ваших мыслей. Поэтому можете меня поправить и уточнить свои суждения. Но всё же опасность трансформации социальной философии в некую технологию существует. Как Вы думаете?

В.Н.: В самом общем виде Проект как результат представляет собой сложную конструкцию идеального, воображаемого предмета, который субъект полагает желательным или необходимым для дальнейшего развития общества. Создание проекта означает, что для достижения поставленной цели субъект должен сначала найти, собрать в своих руках и скоординировать взаимодействие необходимых материальных, социальных, иных ресурсов, создать благоприятные условия для успешной практической реализации проекта. Если все перечисленные обстоятельства имеются в наличии, то разработка и создание целостного проекта не представляет собой, по большому счету, никакой особой задачи.

Если говорить о политическом проекте, связанном с трансформацией, реформированием в нашем случае российского общества, то государственная власть выступает главным субъектом его создания и реализации. Но централизованная система власти не является, конечно, единственным субъектом проекта. Российское государство-цивилизация представляет собой сложное многосубъектное образование, как в этническом, религиозном, территориальном, так и в культурном и социальном аспектах, о чем следует поговорить в дальнейшем отдельно.

Путь движения теоретической мысли от утопического должного, от представлений о совершенном состоянии общества к стратегическим целям политического проекта носит весьма сложный характер. Как однажды заметил Г.Г. Малинецкий, концептуальное мышление предполагает большой проект, образ желаемого будущего. Именно этот проект определяет систему координат, в рамках которой выбираются цели и формируются политические стратегии. Историческую реальность, сложившуюся в данный момент в обществе, можно изучать в рамках концептуального видения проблемы по-разному. Один из подходов состоит в том, что ученые, изучающие эту реальность, стремятся каждый по-своему к ее концептуализации. В результате в науке сегодня могут появляться самые разные политические концепты. В.П. Макаренко и другие авторы объявили о создании новой научной дисциплины – политической концептологии как науки о политических концептах [5].

Такой подход к анализу политической реальности вполне возможен. Но нам представляется более продуктивным и точным другое понимание концептуализации политической реальности, о котором много и продуктивно пишет И.К. Пантин в своей работе о Русской революции. Он пишет о том, что «любой политический субъект... не отделяет себя от реальной действительности и не оценивает себя “со стороны”, а, напротив, воспринимает себя как часть, причем самую существенную, раскрывающегося перед ним социального бытия» [10, 224]. Он помещает себя в центр исторической реальности и изучает эту реальность именно под углом её практического изменения в желательном для него направлении.

Политическая направленность на реализацию конкретных стратегических целей в данное конкретное время делает концептуальное знание не просто особым типом рационального знания, отличным от конкретно-научного социального знания. Оно неразрывно связано с непрерывной деятельностью политического субъекта и в этом смысле обладает уникальным содержанием, поскольку постоянно систематически подвергается пересмотру. Это знание носит изначально характер проектирования, конструирования и направленного формирования социально-исторических процессов, создавая для этих целей самые разнообразные политические технологии, потому и отличается своим особым проектным языком. Обладание субъектом свойством проектности есть условие создания им политического проекта.

Наглядным примером такого рода деятельности выступают политические работы Ленина, которые и разбирает подробно И.К. Пантин. В своей книге о Ленине в 1917 г. В.Т. Логинов рисует портрет Ленина как жесткого прагматика и волевого руководителя. Анализ огромного массива конкретных работ позволил автору показать, как Ленин быстро и точно реагировал на малейшие изменения политической ситуации в тогдашней России, что привело его в октябре 1917 г. к достижению той великой цели, которую он поставил перед собой в самом начале своей политической деятельности [3].

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о природе концепта и концептуального знания, анализу которых посвящена обширная философская литература. Как пишет С.С. Неретина, «понятие есть объективное единство различных моментов предмета понятия, которое создано на основании правил рассудка или систематичности знаний. Оно не персонально, непосредственно связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления определенной мысли, независимо от общения. Это итог, ступени или моменты познания. <...> Концепт предельно субъектен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на его вопросы, что и рождает диспут» [8, 307].

Определение концептуального знания, более приближенное к специфике социального знания, дают А.В. Лубский и Р.А. Лубский: «Основой такого осмысления является концептуальное мышление как интеллектуальная работа научного сознания по “схватыванию” смыслов в наиболее сложных случаях постижения социальной реальности, стремящегося тем самым сохранить репрезентативный характер социального познания. В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное мышление стремится помыслить нечто общее, используя различные тропы, или риторические фигуры. Эти фигуры, усиливая образность речи, являются средством выражения целостного восприятия социальной

действительности» [4, 107]. Можно сказать, что концептуальное знание субъектно, оно выражает стремление субъекта к созданию предельно глубокого и целостного отображения исторической действительности в виде политического проекта. При этом оно включает в себя самые разные компоненты, как научные понятия, так и элементы художественного обобщения, психологические и нравственные оценки и рассуждения.

Что касается опасности превращения социальной философии в некую технологию, то такой опасности, в общем-то, нет. Но здесь есть один интересный сюжет, когда речь идет о конкретных ученых – социальных философах, которые становятся советниками или помощниками первого лица, ближайших к нему лиц из высшего руководства. Об этом следует поговорить отдельно.

Ю.М.: Спасибо, Владимир Николаевич. Было приятно с Вами пообщаться.

Окончание следует...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – Т. 1. – 640 с.
2. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 11-17.
3. Логинов В.Т. Ленин в 1917 году. На грани возможного. – М.: Алгоритм, 2016. – 576 с.
4. Лубский А.В., Лубский Р.А. «Русская власть» и государство в современной России // Политическая концептология. – 2017. – № 2. – С. 106-114.
5. Макаренко В.П. Политическая концептология: учебное пособие. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. – 560 с.
6. Макьявелли Н. Государь: трактаты. – М.: АСТ: Профиздат, 2005. – 512 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. – Т. 46. – Ч. 1. – 317 с.
8. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия в 4-х тт. – Т. 2. – М.: Мысль. 2001. – С. 306-307.
9. Паин Э. Распутица: Polemicheskie razmyshleniya o predopredelennosti puti Rossii. – М.: РОС-СПЭН, 2009. – 269 с.
10. Пантин И.К. Русская революция. Идея, идеология, политическая практика. – М.: Летний сад, 2015. – 296 с.
11. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
12. Резник Ю.М. О статусе социальной теории и её антропологической ориентации // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – Вып. 3-4 (№№ 13-14). – С. 93-106.
13. Рогов И. Теория империологии. – М.: Книжный мир, 2017. – 992 с.
14. Соколова Р.И. Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций // Философские науки. – 2019. – № 5. – С. 7-26.
15. Фурсов А.И. России нужно строить импероподобное образование. 02.12.2011. // andreyfurov.ru (Пресса). (Дата обращения – 10.02 2020).
16. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2007. – 600 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Globalnyy kapital. V 2-kh tt. – M.: LENAND, 2014. – T. 1. – 640 s.
2. Guseynov A.A. Filosofiya kak utopiya dlya kultury // Voprosy filosofii. – 2009. – № 1. – S. 11-17.
3. Loginov V.T. Lenin v 1917 godu. Na grani vozmozhnogo. – M.: Algoritm, 2016. – 576 s.
4. Lubskiy A.V., Lubskiy R.A. «Russkaya vlast» i gosudarstvo v sovremennoy Rossii // Politicheskaya kontseptologiya. – 2017. – № 2. – S. 106-114.
5. Makarenko V.P. Politicheskaya kontseptologiya: uchebnoe posobie. – Rostov-n/D: Izd-vo YuFU, 2011. – 560 s.
6. Makyavelli N. Gosudar: traktaty. – M.: AST: Profizdat, 2005. – 512 s.
7. Marks K., Engels F. Soch., 2 izd. – M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1968. – T. 46. – CH. 1. – 317 s.
8. Neretina S.S. Kontsept // Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh tt. – T. 2. – M.: Mysl. 2001. – S. 306-307.
9. Pain E. Rasputitsa: Polemicheskie razmyshleniya o predopredelennosti puti Rossii. – M.: ROSSPEN, 2009. – 269 s.

10. Pantin I.K. Russkaya revolyutsiya. Ideya, ideologiya, politicheskaya praktika. – М.: Letniy sad, 2015. – 296 s.
11. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik. – М.: Mysl, 1998. – 798 s.
12. Rezник Yu.M. O statuse sotsialnoy teorii i ee antropologicheskoy orientatsii // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2002. – Т. 4. – Вып. 3-4 (№№ 13-14). – S. 93-106.
13. Rogov I. Teoriya imperiologii. – М.: Knizhnyy mir, 2017. – 992 s.
14. Sokolova R.I. Reabilitatsiya utopii kak simptom krizisa rossiyskoy i zapadnoy tsivilizatsiy // Filosofskie nauki. – 2019. – № 5. – S. 7-26.
15. Fursov A.I. Rossii nuzhno stroit imperopodobnoe obrazovanie. 02.12.2011. // andrejfursov.ru (Pressa). (Data obrashcheniya 10.02 2020).
16. Shnirelman V.A. Tsivilizatsionnyy podkhod kak natsionalnaya ideya // Natsionalizm v mirovoy istorii / Pod red. V.A. Tishkova. – М.: Nauka, 2007. – 600 s.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г. (№ 2373)